

Цѣна съ перее.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 28
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ КАНЦЕЛЯРИИ

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Пасхальное слово Златоуста.—Христось Восиресе!—Пасха Христова С. Н. К.—Праздникъ Пасхи. Изъ дѣтскихъ воспоминаній С. Н. К.—Сила Божія и немощь человеческая. Изъ записокъ игумена Θεодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ПАСХАЛЬНОЕ СЛОВО ЗЛАТОУСТА.

то благочестивъ и боголюбивъ? да насладится нынѣ симъ святымъ и свѣтлымъ торжествомъ! (Лук. 14, 17). Кто рабъ благоразумный? да увидеть съ радостію въ радость Господа своего! (Мат. 25, 21). Кто потрудился среди поста? да приметъ нынѣ динарій! (Мат. 20, 13). Кто работалъ съ перваго часа? пусть получить всю должную плату! Кто пришелъ и послѣ третьяго часа? благодари и веселися! Кто успѣлъ притти послѣ шестого часа, пусть не беспокоится, ибо ничего не лишится. Если бы ты замедлилъ и до девятаго часа, то приступи безъ всякаго опасенія. Когда бы даже иной успѣлъ притти только въ одиннадцатый часъ, то и такой не страшится своего замедленія. Ибо 'Домовладыка нашъ любочестивъ и щедръ: пріемлетъ и послѣдняго, какъ перваго, успокоиваетъ пришедшаго въ одиннадцатый часъ такъ же, какъ и трудившагося съ перваго часа. Онъ и о первомъ печется, и о послѣднемъ милосердствуетъ; и тому даетъ, и сему даруетъ; о дѣлахъ радуется, но и намѣренія съ любовію пріемлетъ; дѣйствию воздаетъ всю должную честь, но и доброе расположеніе хвалить.—Итакъ, всѣ, всѣ войдите въ радость Господа нашего!—Первые и послѣдніе, получите награду! Богатые и бѣдные, ликуйте другъ съ другомъ! Трудившіеся и нерадивые, почтите настоящий день! Постившіеся и непостившіеся, возвеселитесь нынѣ!—Трапеза обильна: всѣ насыщайтесь!—Телецъ великъ и упитанъ: никто не уходи голоднымъ! Всѣ насладитесь пиршествомъ вѣры! Всѣ воспользуйтесь богатствомъ благодати! Никто не жалуйся на бѣдность: ибо для всѣхъ настало царствіе! Никто не плачь о грѣхахъ своихъ: ибо изъ гроба всѣмъ возсіяло прощеніе. Никто не страшись смерти: ибо отъ ней свободила всѣхъ насъ смерть нашего Спасителя. Объятый смертію, Онъ истребилъ смерть; сошедши во адъ, Онъ расхитилъ адъ—и огорчилъ того, который коснулся Его плоти. Давно предузнавъ сіе, Исаія воскликнулъ: *адъ огорчился, срътвиль Тебя въ преисподнихъ* своихъ (Ис. 14, 9).—Огорчился онъ:

ибо опустошенъ. Огорчился: ибо посрамленъ. Огорчился: ибо умерщвленъ. Огорчился: поелику весь сокрушенъ. Огорчился: поелику весь связанъ. Взялъ плоть, а нашель (въ ней) Бога! Взялъ землю, а нашель въ ней небо! Взялъ то, что видѣль; а подвергся тому, чего и не ожидалъ!—*Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда?* (1 Кор. 15, 55).—Христось воскресъ: и—ты низложилъ! Христось воскресъ: и—пáли демоны! Христось воскресъ: и—радуются Ангели! Христось воскресъ: и—водворяется жизнь! Воскресъ Христось: и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ! Ибо Христось, воскресшій изъ мертвыхъ, *начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Христось Воскресе!

Видите вси въ радость Господа своего!.. Трапеза исполнена... вси насладитесь пира въгры!

акъ приглашаетъ св. Церковь устами Златословеснаго Учителя къ празднованію свѣтлаго Христова Воскресенія. И съ какою радостію Православные стекаются въ храмы Божіи на сіе приглашеніе! И дряхлые старцы, и малыя дѣти, не говоря уже о прочихъ, всѣ спѣшатъ на сей чудный пиръ вѣры, всѣ съ притрепетнымъ сердцемъ ждуть-не-дождутся наступленія торжественной минуты, когда звонъ праздничнаго колокола возвѣститъ начало торжества. Между тѣмъ храмъ наполняется благоуханіемъ өміама въ знаменіе обильнаго изліянія на насъ Благодати Божіей чрезъ Воскресеніе Христова. Въ самую полночь загудѣль наконецъ и колоколъ. Смолкли скорбныя пѣснопѣнія Великой Субботы. Еще не много—и въ глубинѣ св. алтаря, будто на небѣ, слышится умирительно протяжное пѣніе священнослужителей: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси...* Все слышнѣе и слышнѣе льются священные звуки; священнослужители, въ бѣлыхъ блистающихъ облаченіяхъ вышли изъ алтаря точно Ангелы съ неба, и купно со

всѣмъ соборомъ вѣрующихъ исходятъ изъ храма, со св. иконами, со возженными свѣчами въ рукахъ, въ знаменіе духовнаго веселія и радости и, повторяя ту же священную пѣснь, обходятъ вокругъ храма. Это шествіе знаменуетъ раннее теченіе св. Мүроносицъ ко Гробу Спасителя.

Шествіе останавливается у западныхъ дверей храма, въ воспоминаніе того, что и св. Мүроносицы получили первое благовѣстіе о воскресеніи Господа у дверей гроба Его. Здѣсь, внѣ храма какъ бы вслухъ всего міра, всей твари, послѣ славословія Св. Троицы, изъ устъ священно-служителя, точно изъ устъ Ангела Благовѣстника, впервые раздается всерадостное—*Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*... Сердце затрепетало отъ восторга, слезы покатились изъ глазъ... Священнослужитель осѣняетъ крестомъ врата храма, и—они отверзаются; съ восторженною пѣснію воскресенія, вѣрующіе изъ тьмы ночной вступаютъ въ благоухающій еиміамомъ, блистающій безчисленными огнями храмъ, подобно тому, какъ древніе праотцы, изведенные Спасителемъ изъ тьмы и сѣни смертной, ликуя, входили въ рай, отверстыи для нихъ силою Креста Христового.

Послѣ великой ектеніи тотчасъ же начинается пѣніе Пасхальнаго канона, который есть твореніе великаго псалмопѣвца Новозавѣтной Церкви, Св. Іоанна Дамаскина. Кто не знаетъ этого чуднаго канона? У кого не исторгаль онъ сладостныхъ слезъ умиленія, духовнаго восторга? Вдохновенный пѣвецъ обтекаетъ весь міръ—видимый и невидимый, небо и землю, и самую преисподнюю, всѣхъ, все и повсюду призывая къ торжеству и радости!

Все Пасхальное Богослуженіе Православной Церкви до такой степени проникнуто величіемъ и свѣтлымъ торжествомъ, что вѣрующая душа, забывая все земное, уносится умомъ и сердцемъ на небо, и вся воинствующая на землѣ Церковь на сіе время какъ бы преобразуется въ торжествующую на небеси, сливаясь съ нею въ славословіи Воскресшаго Спасителя. Даже псалмы Давидовы, составляющіе непремѣнную часть каждаго богослуженія нашей Церкви, и сіи псалмы (кромѣ хвалитнаго), какъ пѣснопѣнія болѣе или менѣе покаянныя, вовсе отмѣняются. Сре-

ди неумолкающихъ пѣснопѣній во славу Воскресшаго Господа священнослужители, съ крестомъ, возженною свѣчою и кадилломъ обходятъ всю церковь, привѣтствуя всѣхъ радостнымъ: *Христосъ воскрес!*

Въ концѣ утрени вся Церковь представляетъ святое зрѣлище единенія и торжества взаимной любви всѣхъ сыновъ Отца Небеснаго. Священнослужители, изображая собою небесную Церковь, а міряне—земную, начинаютъ всѣ взаимно привѣтствовать другъ друга братскимъ цѣлованіемъ и сладостными словами: *Христосъ воскресе—воистину воскресе!* При семъ православные дарятъ другъ другу красныя яйца, по примѣру св. Маріи Магдалины, которая предстала къ императору Тиверію въ Римѣ съ краснымъ яйцомъ и начала проповѣдь о Христѣ словами: *Христосъ воскрес!* Яйцо, какъ знаменіе возрожденія, окрашенное въ красный цвѣтъ знаменуетъ наше возрожденіе Кровію Спасителя.

Послѣ всеобщаго цѣлованія читается вдохновенное слово Златоуста и утрени оканчивается.—Часы Пасхи составлены также изъ пѣснопѣній, и каждая пѣснь гласитъ о побѣдѣ Христа надъ смертію и адомъ.

На литургіи Евангеліе читается всѣми священнослужителями, повторяемое по частямъ, въ разныхъ частяхъ храма, и гдѣ можно, наприм. въ монастыряхъ и соборныхъ церквахъ, то и на нѣсколькихъ языкахъ, при чемъ бываетъ особый звонъ на каждой статіѣ. Симъ изображается благовѣстіе всему міру о Воскресеніи Господа.—На вечерни Евангеліе читаетъ настоятель, обратясь лицомъ къ народу, дабы тѣмъ яснѣе напомнить явленіе Господа ученикамъ Своимъ въ вечеръ перваго дня по воскресеніи, о чемъ и повѣствуется въ читаемомъ тогда Евангеліи.

Другія особенности праздника Пасхи:

1) Во св. алтарѣ или въ храмѣ на особомъ столѣ полагается хлѣбъ, именуемый *артосъ*, (слово греческое и значитъ *хлѣбъ*), съ изображеніемъ Креста или образа Воскресенія Христова; сей хлѣбъ носится въ крестныхъ ходахъ, а въ монастыряхъ и въ трапезу, во всю свѣтлую седмицу, и раздается вѣрующимъ въ субботу. Онъ изображаетъ собою тотъ хлѣбъ, который вкушалъ Спаситель предъ учениками въ удостовѣреніе Своего воскресенія, и ту часть хлѣба, которую св. Апостолы оставляли въ честь Господа

Иисуса за трапезою, по Его вознесеніи на небо. Артось должно вкушать прежде обычнаго яденія, какъ хлѣбъ священный, но не болѣе; а посему тѣ, которые почитаютъ вкушеніе его равнымъ Причащенію Пречистыхъ Тайнъ Христовыхъ, много согрѣшаютъ, ибо *никакой хлѣбъ и ничто вообще не можетъ замѣнить Животворящаго Тѣла и Крови Христовой.*

2) Царскія врата и другія двери во св. алтарѣ во всю Свѣтлую седмицу не затворяются, въ знакъ того, что Господь Своимъ воскресеніемъ для всѣхъ открылъ входъ въ царство небесное.

3) Во всю свѣтлую седмицу бываетъ цѣлодневный звонъ, знаменующій торжество Церкви, празднующей во славу побѣдителя ада и смерти.

4) На все время отъ Пасхи до Троицына дня церковныя правила воспрещаютъ колѣнопреклоненія и земные поклоны, какъ неприличные празднованію Воскресенія Христова. (1-го Всел. Собора Прав. 20).

5) Св. Плащаница остается въ алтарѣ, на св. престолѣ до дня вознесенія, въ знаменіе того, что Господь по Своемъ воскресеніи еще 40 дней пребывалъ на землѣ.

ПАСХА ХРИСТОВА.

„Христось новая Пасха, Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра“ (Пѣснь церк.).

Се, Иисусъ срътя я, глаголя: „радуйтесь!“ (Матѣ. 28, 9).

Радуйтесь всегда о Господѣ; и наки реку: радуйтеся (Филип. 4, 4).

Какой всерадостный праздникъ—Пасха Христова! Это—праздникъ праздниковъ и торжество торжествъ. Надъ другими христіанскими праздниками, по ученію Св. Григорія Богослова, онъ возвышается какъ солнце надъ звѣздами. Христось—новая Пасха. Древняя Пасха была въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда Іудеи праздновали свое освобожденіе изъ Египетскаго рабства и закалили пасхальнаго агнца. Этотъ агнецъ указывалъ на Голгоѣскаго Агнца—Христа. Какъ весь Ветхій Завѣтъ былъ только пѣстунъ во Христа, сѣбію грядущихъ благъ, такъ и ветхозавѣтный

агнецъ имѣлъ свой смыслъ и значеніе какъ прообразъ Вѣчнаго Агнца, заколенного прежде сложенія міра.

Тяжка была жизнь Іудеевъ въ рабствѣ у Египтянъ. Тяжела была жизнь челоувѣчества до искупленія его кровію Агнца Божія отъ грѣха, проклятія и смерти. Съ чудеснымъ освобожденіемъ изъ египетскаго рабства настали для Евреевъ дни покоя, когда они поселились въ землѣ обѣтованія. Отраднѣе стала жизнь челоувѣчества, когда оно искуплено было кровію Единороднаго Сына Божія. Потому-то Воскресшій Господь, явившись муриносицамъ, и вѣщаль имъ: *радуитесь!* Вслѣдъ за Нимъ и присный ученикъ Его повторяетъ: *радуитесь всегда о Господь; и паки реку: радуитесь.* И какъ мощно это слово! Весь хрістіанскій міръ въ свѣтлый день Хрістовой Пасхи: праведные и грѣшные, богатые и убогіе, знатные и незнатные—всѣ ликуютъ, всѣ радуются.

Чему же, братіе, слѣдуетъ радоваться? Отчего такъ радостно настроена бываетъ наша душа, почему сильно бьется хрістіанское сердце въ свѣтлый день Пасхи? Радуются тому, что Хрістосъ воскресъ изъ мертвыхъ. *Аще Хрістосъ не воста, тѣа вѣра наша* (1 Кор. 15, 14), говоритъ Св. Апостоль. Если же Хрістосъ воскресъ изъ мертвыхъ, то истинна вѣра наша, не тщетно упованіе наше. Какое это упованіе? Что воскресшій Господь поразилъ діавола въ собственной его области, одержалъ побѣду надъ смертію и избавилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти. Надъ ветхозавѣтнымъ челоувѣчествомъ тяготѣлъ грѣхъ. Грѣхъ царствовалъ со времени паденія первыхъ людей. По наслѣдству передавался онъ отъ предковъ потомкамъ и заразилъ всю челоувѣческую природу.

Чтобы избавить людей отъ грѣха, Богъ даровалъ людямъ, въ лицѣ избраннаго Израиля, законъ Свой на Синаѣ. Законъ этотъ требовалъ отъ людей неуклоннаго своего исполненія. Нарушители закона предавались клятвѣ или проклятію. Всѣ люди согрѣшили. Всѣ навлекли на себя клятву закона, проклятіе. Проклятіе и было наказаніемъ за грѣхъ. Другимъ, естественнымъ послѣдствіемъ грѣха явилась смерть. *Оброцы грѣха—смерть*, поучаетъ Апостоль. Вотъ сколько бѣдствій тяготѣло на грѣшномъ челоувѣчествѣ. Потому-то такъ тяжела и безотраднѣе была жизнь его. И вотъ, теперь, съ воскресеніемъ Хріста, все это снято съ людей: и грѣхъ, и проклятіе, и смерть. Грѣхъ первородный смылъ кровію Голго夫скаго Агнца, цѣною этой крови искупленія и прощаются и вольные грѣхи людей. Клятва снята съ сыновъ проклятія. Смерть поправана, ибо Хрістосъ воскресъ изъ мертвыхъ и тѣмъ положилъ начало нашему блаженному воскресенію. Воскресъ Хрістосъ, воскреснемъ и мы, чтобы болѣе не умирать. Вотъ чѣмъ объясняется хрістіанская радость наша въ день свѣтлаго Хрістова воскресенія.

Радуются все люди. Радуются какъ-бы невольно, безсознательно. А сколь глубока, ярка и сильна радость въ сердцѣ сознательнаго христіанина! Это—не земная, обыкновенная радость, которая часто бываетъ призрачна и скоропреходяща. Это—особенная христіанская радость. Это—самая чистая, святая, высокая радость человѣка христіанина, наследующаго царствіе Божіе. Царствіе Божіе *не есть брашно или питіе, или иная земная радость*; оно есть *правда, радость и миръ о Духъ Святъ*. Это—особенное благодатное состояніе души, которымъ владѣютъ только праведники Божіи. Не даромъ же о нихъ говорятъ: „они жизнерадостны, особой радостью вѣтеть отъ нихъ, и ангельская улыбка на устахъ ихъ“. О преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ житіе повѣствуетъ, что онъ необыкновенно былъ жизнерадостенъ, такъ что и обычное его привѣтствіе было: „радость моя!“

Христось воскресе! Пусть эта небесная радость чаще посѣщаетъ сердца наши. А какое средство къ ея приобрѣтенію? На это отвѣчаетъ св. Евангеліе: „*царствіе Божіе нудится*“, т. е. усиленъ берется, борьбою со страстями и пороками, и *нуждницы*, т. е. усиленно стремящиеся къ нему, *восхищаютъ е*. Будемъ помнить это и будемъ радоваться о Господѣ. *Христось бо воста, веселіе вѣчное. Гдѣ ти смерте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда? Христось воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть.*

С. Н. Н.

ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Когда хочешь вспомнить что либо отрадное, животренущее, невольно уносишься мыслию далеко, далеко, къ днямъ цвѣтущей юности, золотого дѣтства. Душа, какъ и тѣло, со временемъ, теряетъ свою живость и воспримчивость. Впечатлѣнія же дѣтства и юности особенно сильны и глубоко западаютъ въ душу. Въ минуту радости сильно бьется дѣтское сердце, быстро течетъ въ жилахъ юная кровь...

Мысль о свѣтломъ Христовомъ праздникѣ также невольно переноситъ меня къ далекому дѣтству. Какъ радостно, какъ трепетно была когда то настроена душа въ день великаго христіанскаго праздника! Вотъ, бывало, идешь изъ школы за нѣсколько десятковъ верстъ къ родному дому, идешь по весенней распутицѣ, утомленный, промокшій, но идешь радостно полный вѣры и сладкой надежды. Дома встрѣчали тебя любовь и ласка, согрѣвало тебя красное солнышко въ образѣ нѣжно любившей и го-

рячо любимой матери. Идешь и думаешь: тебя встрѣтятъ распростертыя объятія, тебя ожидаетъ покой и отрада. Вотъ и родной домъ. Весело въ преддверіи великаго Хрїстова праздника. Съ удовольствіемъ посѣщаешь страстныя службы въ родномъ храмѣ. Весело, ибо предвкушаешь уже радость праздника. Не тяготятъ длинныя службы: за ними какъ бы переживаешь земную жизнь Спасителя. Вотъ настала и великая суббота. Въ церкви поютъ уже: „воскресни, Боже“. Въ субботу, хотя и „да молчитъ всякая плоть человѣча“, но какъ - бы уже начало праздника. Нужно встать къ заутрени въ субботу и принять участіе въ „погребеніи Хрїстовомъ“.

Обѣдня длинная. Придешь домой усталый. Завтра опять ранняя служба и какая служба! Нужно прилечь, отдохнуть. Ляжешь. Не спится. Возмешь книжку чтобы нагнать на себя сонъ, но напрасно. Сердце сильно бьется, предчувствуя великую радость. Встанешь съ кровати, походишь. А тутъ, какъ на соблазнъ, всѣ домашніе заняты, всѣ готовятся къ свѣтлому празднику. Приляжешь снова, но опять напрасно. Такова сила сердечной радости. Не знаешь, какъ скоротать время до пасхальной заутрени. Вотъ пробило десять. Начинаешь сряжаться въ церковь. Нужно не опоздать. Вѣдь утренняя начинается торжественнымъ крестнымъ ходомъ. Нужно вмѣстѣ съ мѣроносицами, *утру глубоко*, встрѣтить Хрїста внѣ Иерусалима, въ саду Іосифа Аримаѣйскаго. Тамъ онѣ услышали знаменательное привѣтствіе: „радуйтесь“. Какое было бы сожалѣніе, какая скорбь, если бы почему либо этотъ моментъ пропустилъ...

Мнѣ и теперь вспоминается крестьянскій обычай въ родномъ селѣ. Многимъ издалека приходилось идти въ церковь; потому нѣкоторые опаздывали. Но они не столько понимали умомъ, сколько чужали сердцемъ всю прелесть пасхальнаго крестнаго хода. Поэтому, хотя и поздно, но они сами обходили вокругъ храма съ горящими свѣчами. Отраднa эта картина. Всю заутреню мелькаютъ горящіе огни. Это мѣроносицы идутъ ко гробу Хрїстову...

Придешь въ церковь въ началѣ двѣнадцатаго. Читаютъ „Дѣянїя“. Потомъ слышишь и пѣніе „волною морскою“. Началась пасхальная полунощница. Въ послѣдній разъ благоговѣнно приложишься къ плащаницѣ. Скоро ее уберутъ. Вотъ и убрали.

Ждешь не дождешься, когда откроются царскія врата и начнется пасхальное шествіе. Вотъ и радостная минута. Что испытываетъ тогда сердце, не поддается описанію. То хочется плакать, но не слезами грусти, а слезами радости. То опять трепетно забьется дѣтское сердце. Вотъ, вышли священнослужители. Смотришь, озираешься, какъ на всѣхъ—лицахъ отражается хрї-

стіанская радость. У всѣхъ веселые взоры, всѣ ликуютъ. Шествіе тронулось. Что за чудная минута: „воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить“. Обошли кругомъ храма. Остановились въ притворѣ. Вотъ и радостное: „Христось воскресе“. Вотъ возгласилъ священникъ: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны“ и отверзъ двери храма, яко Ангель отвалилъ камень отъ дверей гроба Христова. А тамъ: „воскресенія день, просвѣтимся, людіе! Пасха Господня, пасха“... Что за дивное твореніе священнаго поэта! Скоро утреня кончилась. Всѣ христосуются. Вотъ и красное яичко! У всѣхъ на душѣ свѣтло и отраднo. Позабыто все земное: вражда, ненависть, старые счеты. Всѣ люди братья. Для всѣхъ Христось воскресъ. Радость, безконечная радость: „Христось бо возста, веселіе вѣчное“.

С. Н. К.

СНЯЯ БОЖІА И ВЕЩНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXIII.

Вскорѣ обстоятельства семейной жизни заставили меня покинуть кровъ родительскаго дома: отцовскія дѣла пошатнулись такъ, что мнѣ пришлось искать опять службы по откупу. Слово блаженнаго старца Макарія не шло мимо. По внѣшности все оставалось попрежнему, только маменька становилась все грустнѣе и задумчивѣе.

Стояли непроданными оба наши дома; молола водяная мельница, арендованная у казны родителемъ, но капиталъ, вложенный въ нее, таялъ не по днямъ, а по часамъ: водой ее прорывало по нѣсколько разъ въ годъ, вынуждая ее къ продолжительному бездѣйствію, а между тѣмъ аренда за нее въ Палату Государственныхъ Имуществъ была очень велика; рабочіе стоили дорого да и содержаніе семейства обходилось отцу болѣе тысячи рублей въ годъ.

Дома едва окупали свой расходъ. Родитель крѣпился и старался скрыть свое критическое положеніе, такъ что для меня оно долго оставалось тайной.

Однажды вечеромъ, въ отсутствіе отца, сидѣли мы съ матерью за чайнымъ столомъ. Маменька разливала чай. Вдругъ вошла въ комнату работница, которая у насъ жила нѣсколько лѣтъ, и обратилась къ матери съ такими словами:

— „Какъ же Агафья Андреевна,—завтра нужно квасъ варить, а у насъ муки-то нѣту?“

Я замѣтилъ, что при этихъ словахъ матушка измѣнилась въ лицѣ и, когда работница ушла, сказала мнѣ:

— „Оедюкь! поймай черную кошку и отнеси ее къ тархану—онъ за нее дастъ когѣекъ сорокъ: на это купи муки пуда три“...

Меня эти слова, какъ варомъ обожгли. Неужели же мы дошли до такой крайности? Надо продать kota, чтобы купить муки, когда у насъ еще было два дома — одинъ каменный, въ которомъ мы жили, а другой деревянный 7 оконъ въ длину и 5 въ ширину, съ полной обстановкой, съ чудной надворной постройкой... Однако, положеніе было именно таково, и мнѣ надобно было рѣшиться поступить на должность, чтобы кормить родителей и сохранить хотя бы остатки состоянія. Братъ Федоръ, хоть и служилъ, но ничего, или почти ничего не подавалъ въ родительскій домъ—человѣкъ онъ былъ новаго покроя: самому на себя едва хватало жалованья.

Я оставилъ домъ родительскій и поступилъ по откупнымъ дѣламъ въ Новочеркасскъ писцомъ въ контору В. Н. Рукавишникова въ 1-й Донской Округъ. Вскорѣ я былъ переведенъ въ Усть-Медвѣдицкій Округъ въ станицу Раздорную и былъ назначенъ подвальнымъ съ жалованьемъ въ 200 рублей при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. Служба, по обстоятельствамъ того времени, была крайне выгодная, и я иѣликомъ все жалованье отсылалъ родителямъ. Повышенія по службѣ шли за повышениями—меня начальство очень любило—и вскорѣ я уже былъ дистанціоннымъ съ окладомъ жалованья, кромѣ наградныхъ, въ 800 рублей. И это все жалованье я отсылалъ домой родителямъ, что приводило въ немалое изумленіе нашихъ согражданъ и сердце моего брата Федора, котораго моя помощь унижала въ глазахъ родителей и знакомыхъ. Мнѣ же дѣлать это было отрадно да и не трудно, тѣмъ болѣе, что въ откупныхъ дѣлахъ наживались тогда всѣ, отъ мала до велика, кто только имѣлъ съ ними соприкосновеніе по откупной службѣ. Это не было тайное хищеніе, а открытое пользованіе безгрѣшными доходами, которые такъ и текли сами собою въ карманы служащихъ, начиная съ низшихъ и кончая высшими. Я пользовался доброхотными приношеніями отъ сидѣльцевъ, которыхъ защищалъ отъ неправильнаго и алчнаго суда, но часто, сообразуясь съ ихъ семейнымъ

положеніемъ, отдавалъ имъ обратно половину приносимой ими благодарности, за что и былъ всѣми ими любимъ такъ, что они мнѣ открывали всѣ тайны сложнаго откупнаго дѣла.

Полна соблазна была эта широкая, привольная откупная жизнь, особенно, въ мои молодые годы въ средѣ вольнаго женскаго казачьяго населенія. Свобода его нравовъ, въ отсутствіи мужей, часто призываемыхъ на службу, граничила съ самымъ откровеннымъ развратомъ. И гдѣ мнѣ, пылкому юношѣ, да еще свободному въ денежныхъ средствахъ, было устоять и не попасть съ головой въ тенета всюду разставленнаго соблазна красоты благородныхъ и любвеобильныхъ дочерей тихаго Дона! О, мои монашескія стремленія! О, Оптина моя дорогая! Гдѣ тогда были вы?...

Новое горе свалилось на голову моихъ бѣдныхъ родителей: едва стали они нѣсколько поправляться въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, благодаря моей поддержкѣ, какъ внезапно, въ цвѣтѣ лѣтъ, умеръ мой старшій братъ Феодоръ и меня, плѣнника и раба страстей, вызвала родительская воля обратно на родину.

Дома я засталъ родителей въ скорби великой по случаю смерти брата, и меня ожидало новое искушеніе. Какъ я ни увлекался на Дону красавицами—казачками, но въ минуты отрезвленія отъ увлеченій, я продолжалъ таить въ своемъ сердцѣ желаніе оставить мѣръ и уйти въ монастырь и только, случалось, плакивалъ надъ своими наденіями. Дома мѣръ, въ лицѣ моихъ родителей, въ это время готовилъ мнѣ непреходимую пропасть, которая должна была, казалось, на вѣки отдѣлить желанія мои отъ ихъ осуществленія. Но пріѣздъ моемъ въ домъ родительскій, скорбная мать стала меня умолять со слезами, чтобы я женился, что это одно—знать меня женатымъ и пристроеннымъ—можетъ ее успокоить и утѣшить въ тяжелой перенесенной утратѣ. Твердо помнилъ я рѣчи старцевъ, которыми они меня напутствовали изъ Оптиной,—я долго крѣпился, но тяжкія обстоятельства, безграничная любовь къ матери, ея безпрестанныя слезы и мольбы взяли верхъ надъ моими стремленіями, и я далъ ей слово исполнить ея просьбу. Господь видѣлъ, что въ этомъ рѣшеніи моего желанія не было, а была только одна жалость къ слезному горю матери: я готовъ былъ и тѣло, и душу свою отдать въ жертву, только бы мнѣ дано было утереть слезы родимой, вызвать на уста ея хотя бы тѣнь радостной улыбки.

Нашли мнѣ и невѣсту, дочь богатаго купца нашего города съ хорошимъ приданымъ и средствами, и богатой родней. Пошли переговоры, смотрины... Дѣло налаживалось какъ нельзя лучше... Но душа моя была скорбна и исполнена тяжкаго унынія. Всѣ мѣры употреблялъ я, чтобы утаить мою скорбь отъ

зоркаго взора родительницы и казаться веселымъ. До поры, до времени мнѣ это удавалось... но, Боже мой! до чего мнѣ тяжело было на сердцѣ!..

А дѣло свадьбы близилось между тѣмъ къ концу: родителю удалось съ хорошей выгодой продать свой каменный домъ и выручить за него порядочный капиталецъ, предназначенный имъ для свадьбы; состоялось, наконецъ, въ нашемъ домѣ рѣшительное свиданіе съ дядей невѣсты и священникомъ, на которомъ должно было обсудить и рѣшить всѣ условія предстоящей свадьбы касательно приданого, капитала и проч. Мнѣ нужно было угощать гостей, и, по приказанію матери, я вышелъ въ другую комнату, чтобы вернуться оттуда къ гостямъ съ подносомъ и виномъ въ бокалахъ и рюмкахъ. Когда уже я шелъ къ гостямъ съ угощеніемъ, я приостановился на минуту за полуотворенной дверью и какъ стоялъ, съ подносомъ на рукахъ, опустился на колѣни въ пламенной молитвѣ отъ всего существа своего къ Богу объ избавленіи меня отъ женитьбы и горько, горько заплакалъ... Это было мгновеніе... Я быстро оправился, отставилъ поднось, отеръ катившіяся слезы, взялъ опять бокалы съ виномъ и вошелъ въ гостинную. Слезы мои были замѣчены. Раздались восклицанія:

— „Э! онъ никакъ плачетъ? Женихи у людей радуются, а нашъ плачетъ? это что-то неладно“...

Священникъ тутъ вмѣшался и вывелъ меня, и мою семью изъ неловкаго положенія.

— „Не удивляйтесь“, сказалъ онъ: „его слезамъ—женитьба—дѣло великое, здѣсь рѣшается вся участь человѣка: мудрено-ли тутъ человѣку съ понятіемъ и заплакать?“

Священническое слово, сказанное со властью, отвело вниманіе гостей отъ моего растеряннаго вида, и дѣло пореговоровъ продолжалось своимъ обычнымъ порядкомъ. Оставалось, повидимому, подчиниться обстоятельствамъ и сдержать слово, данное матери... Но инъ судъ человѣческій, и инъ—Божій!..

Въ этотъ же вечеръ пришелъ къ родителю моему одинъ купецъ, который нѣсколько лѣтъ съ нимъ жилъ въ короткомъ знакомствѣ и по личной дружбѣ, и по прежнимъ торговымъ дѣламъ моего родителя. Когда-то купецъ этотъ велъ большія дѣла не только мѣстныхъ, но и съ другими городами, но пожаръ, излишняя доврчивость къ неудачному подбору прикащиковъ и затѣмъ кредиторы лишили его всего достоянія, и онъ жилъ безъ дѣла, едва перебиваясь, что называется, съ хлѣба на квасъ. Но родитель мой, по старой памяти, продолжалъ еще питать доврїе къ его комерческимъ способностямъ.

Въ этотъ вечеръ, узнавъ, что у родителя собралась порядоч-

ная сумма за проданный домъ, купецъ этотъ повелъ съ нимъ рѣчь такого рода:

— „Ты знаешь, Аванасій Родіоновичъ, мои ирежнія дѣла и мою дѣятельность. Я остался все тотъ же, только вотъ пожаръ выбилъ меня изъ колен. Теперь мнѣ предстоитъ крупное дѣло по хлѣбной части, на которомъ безошибочный громаднѣйшій барышъ обезпеченъ. Вы продали домъ—деньги у васъ есть: довѣрь мнѣ деньги и, чѣмъ сыну твоему служить по откупамъ, пусть лучше подъ моимъ руководствомъ учится коммерціи. Въ самое короткое время капиталъ тебѣ вернется утроеннымъ, и сынъ станетъ на самостоятельное дѣло“...

Слово за слово—купецъ съумѣлъ нарисовать такую соблазнительную картину скорого и вѣрнаго обогащенія, что родители мои отдали ему въ тотъ же вечеръ всѣ свои деньги безъ росписки, только сказали ему:

— „Смотри-жь, не сдѣлай низости—ты насъ тогда убьешь: здѣсь все, что только мы имѣемъ. Росписки мы съ тебя не беремъ, а вотъ“—указали они ему: „икона Спасителя и Царицы Небесной—пусть Они будутъ между нами и тобой Свидѣтелями.“

Дѣло все это совершилось съ быстротой непомѣрной, произошло на моихъ глазахъ, и я былъ свидѣтелемъ, какъ купецъ поклялся на иконы въ вѣрности своему слову и взялъ отъ родителей моихъ деньги. Утромъ онъ уже ускакалъ въ Саратовъ и въ теченіи десяти какихъ-нибудь дней успѣлъ купить и продать 15 тысячъ пудовъ муки. Отъ этой операціи родителямъ очищалось рублей слишкомъ двѣсти. Въ десять дней больше двухсотъ рублей—было съ чего обрадоваться!..

Но непродолжительна была радость моихъ довѣрчивыхъ родителей: купецъ этотъ когда еще торговалъ за свой капиталъ, имѣлъ однажды дѣло съ границей и остался долженъ по векселю. Этотъ вексель оказался предъявленнымъ на него въ Саратовѣ. Узнавъ объ этомъ заблаговременно, купецъ этотъ успѣлъ распродать весь товаръ, капиталъ припряталъ, а что осталось отъ имущества перевелъ на имя жены. Поступокъ этотъ нанесъ жестокий ударъ моимъ родителямъ и окончательно подорвалъ ихъ благосостояніе. Все это совершилось менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли съ быстротой молніеносной и имѣло ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ разстройство моей свадьбы. А она ли не казалась вѣрной!

Я писалъ объ этомъ старцу Макарію и получилъ отъ него отвѣтъ: „благодари Бога!“... Это былъ пятый ударъ моей семьѣ по выходѣ моемъ изъ Оптиной.

Слова старца сбывались съ поразительной точностью—скорби чередовались скорбями: овдовѣла сестра Екатерина; разстроились

дѣла; умерь братъ Θεодоръ; погибъ въ невѣрныхъ рукахъ капиталъ, остатокъ былаго состоянія и, наконецъ, разбилась мечта моей матери—моя свадьба.

О, неисповѣдимые пути Божіи!

За все Ему—слава и благодареніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получать книгу:

Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего СЕРГІЯ,

Игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. Пятое дополненное и исправленное изданіе составлено соборнымъ іеромонахомъ (нынѣ епископомъ) Никономъ съ художественными картинами изъ жизни угодника Божія и многими рисунками въ текстѣ (всего 147 рисунковъ), и одной художественной хромофотографіей въ 20 красокъ въ размѣрѣ книги: *Предсмертное причащеніе Препод. Сергія*, (копія съ картины покойнаго іеромонаха Симеона). Эта книга удостоена отъ Святѣйшаго Синода преміи Митрополита Макарія въ 1000 рублей.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ красивомъ корешкѣ, папкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.,—въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Тоже изданіе, но на простой бумагѣ, безъ примѣчаній, безъ заставокъ, и безъ хромофотографіи, съ 110 рисунками въ текстѣ, цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получать:

ЗЕРНЫШКИ БОЖІЕЙ НИВЫ

Троицкое чтеніе для дѣтей.

Цѣна каждаго номера 5 коп. съ пересылкой 7 коп.

Къ 1-му Апрѣлю 1907 года вышло 52 номера

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ВСѢ НОМЕРА ЗЕРНЫШЕКЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ЗЕРНЫШКИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМИКАМИ, для праздничныхъ дѣтскихъ подарковъ по 12 кн. въ кол. пер.

Цѣна каждаго тома въ переплетѣ 80 коп. съ пересылкой 1 руб.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редак. „Троицкихъ Листковъ“.